

Максимов Сергей Васильевич

**На Востоке. Поезка на Амур в
1860-1861 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Васильевич М.**
На Востоке. Поезка на Амур в 1860-1861 гг / Максимов Сергей Васильевич –
М.: Книга по Требованию, 2026. – 592 с.

ISBN 978-5-519-94947-7

ISBN 978-5-519-94947-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

ВВЕДЕНИЕ.

Въ четвертый разъ судьба снимаетъ насъ съ обсиженного уже и привычнаго мѣста, сдѣлавшагося если не роднымъ вполнѣ, то дорогимъ по многимъ воспоминаніямъ; въ четвертый разъ случай — рѣдкій, но всегда дорогой гость — отнимаетъ у насъ лучшее изъ достояній, добытыхъ родствомъ, привычкой и дружбой, и снова ведетъ на чужбину, въ чужіе люди, въ неизвѣстность. Сьумѣвъ однажды развязать узелъ, связующій насъ съ существами дорогими сердцу, мы въ четвертый разъ замѣтно-равнодушнѣе переносимъ неизбѣжную разлуку. Рѣшившись на дальнюю поѣздку, въ четвертый разъ мы уже не боимся дорожныхъ невзгодъ и лишеній и помнимъ толковую русскую пословицу, которая прямо говоритъ намъ, что «путь-дорога красна не сномъ, а заботой». Но отчего въ этотъ разъ, какъ въ былые и памятные прежніе, томить насъ тоска (не по родинѣ), мучить насъ скука (не одиночества), неотступно преслѣдуютъ сомнѣнія не въ возможность добраться до мѣста, не въ слабость силъ физическихъ: иначе, не для чего было подниматься съ мѣста? Но отчего мы испытываемъ безпокойство, неловкость положенія? Отчего самыя простыя, обыденныя вещи кажутся намъ чѣмъ-то роковымъ, непривѣтнымъ: кибитка, какъ стѣны каземата, душитъ насъ и волнуетъ;

дорога, на этотъ разъ и гладкая и удобная, кажется шероховатой степью, которая ведетъ насъ куда-то въ темную, мрачную неизвѣстность?

Вотъ вопросы, которые и на этотъ четвертый разъ также неотступно возстаютъ въ воображеніи и наполняютъ всѣ помыслы, какъ это было и въ первые три раза. Попробуемъ разъяснить ихъ себѣ, на сколько позволитъ намъ сдѣлать это память, умѣнье и силы. Кладемъ въ основу откровенность, личныя наблюденія, голые факты, цѣлостно-взятые изъ жизни. Возвращаюсь ко временамъ прошлымъ и начинаю сначала.

Въ маѣ 1855 я оставлялъ Петербургъ для нѣкоторыхъ уѣздовъ Владимірской Губерніи, населенныхъ тѣми промышленниками, которые въ разныхъ мѣстахъ Россіи носятъ разныя названія. Въ большей части случаевъ они извѣстны подъ общимъ прозваніемъ *офеней*, *ходебщиковъ*, *коробейщиковъ*, *разнощиковъ*; въ Малороссіи называютъ ихъ *варягами*, въ Бѣлоруссіи — *маяками*, на сѣверѣ Великой Россіи — *торгованами*, въ Сибири — *суздалами*, на Кавказѣ — *вязниковцами*; сами себя зовутъ они *мазыками*. Селеніями своими они преимущественно группируются въ Вязниковскомъ и Ковровскомъ уѣздахъ Владимірской Губерніи, очень-мало ихъ въ Шуйскомъ, почти нѣтъ въ Гороховецкомъ и положительно нѣтъ въ Суздальскомъ. Торгуютъ они образами, книгами, краснымъ товаромъ, сыромъ, каперсами, колбасами — всѣмъ тѣмъ, что успѣло залежаться и прогнить въ московскихъ лавкахъ Ильинскаго Ряда, всѣмъ тѣмъ, на что падокъ и помѣщикъ, и деревенская дѣвка и баба, и сельскій попъ, въ чемъ нуждается и богатый, и грамотный крестьянинъ, и щеголиха-попадья, и помѣщица, и волостная писарыша, и почтальонша, и проч. Для того, чтобъ крупнѣе обманывать и легче (для своихъ работниковъ, темнѣе для покупателей) объяснять всѣ тонкости надувательства, у купцовъ этихъ существуетъ особый языкъ — офенскій. Нѣсколько десятковъ словъ для примѣра помѣстилъ въ 1839 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ» г. Срезневскій съ коротенькимъ предисловіемъ: еще меньшее количество

словъ удѣлили какіе-то изъ нумеровъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

Вотъ всѣ тѣ наличныя свѣдѣнія, къ которымъ могли привести меня печатные источники и съ которыми мнѣ привелось выѣзжать изъ Петербурга на новое дѣло, непривычное, затѣянное первый разъ въ жизни. Позади—ничтожная практика, сложившаяся изъ цѣпи случайностей, когда смотрѣлось на дѣло съ точки зрѣнія фланёра, дилеттанта и никакъ не работника, обязаннаго извѣстнымъ дѣломъ и непреложнымъ объѣтомъ. Впереди—темное дѣло съ темнымъ успѣхомъ, даже съ вѣроятностью неудачнаго исхода, тѣмъ болѣе, что опять-таки позади ни одного примѣра, никакой школы и поученія: масса путешествій—и въ нихъ конечные результаты, послѣдніе выводы и ни одного намѣка на закулисныя, такъ-сказать, рудниковыя работы; значительное число путешественниковъ—и всѣ они или роются въ архивахъ, добывая историческіе матеріалы и заявляя ихъ міру, или собираютъ травы, каменья, наслѣживаютъ отмѣны, разновидности животнаго царства; таковы П. П. Свиньинъ, Лепехинъ, Гмелинъ, Палласъ и многіе другіе; и затѣмъ почти ни одного слова для этнографіи и *за* этнографію. Почти двадцать лѣтъ раздается въ безпривѣтной пустынѣ одинъ голосъ Владиміра Ивановича Даля, голосъ сильный, заслужившій почетный авторитетъ, авторитетъ, взятый съ боя безъ уступокъ, безъ апелляцій. Голосъ этотъ не остался безъ привѣта и отвѣта: «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» сталъ наполняться этнографическими статьями, которыя замѣтно ослабѣли въ числѣ и качествѣ, когда вновь-основанное географическое общество заявило свои изданія: «Записки» и «Вѣстникъ». И тутъ и тамъ, и въ литературныхъ журналахъ стали часто появляться этнографическія статьи, но вездѣ съ конечнымъ итогомъ, съ послѣднимъ выводомъ. Вездѣ тщательно и кокетливо припрятывались предуготовительныя, закулисныя работы, тѣ, которыя могли бы давать и примѣры и поученіе. Оставалось идти по завѣтному русскому обычаю на авось; положиться на случай, попытаться придумать свои сред-

ства и запастись возможно-большимъ терпѣніемъ. Я такъ и сдѣлалъ.

Быстро примчала меня желѣзная дорога въ Москву; скоро очутился я у рогожской заставы, гдѣ большой тарантасъ, шедшій въ Нижній, дожидался только одного попутчика. Извозчики, по обыкновенію, накинудись на меня огромной толпой: видимо рады были моему появленію; запросили съ меня огромную сумму, считая за новичка, и не ошиблись. Сѣвъ въ тарантасъ, я имѣлъ удовольствіе слышать отъ одного сосѣда, что онъ заплатилъ только половину моей суммы, и ѣхалъ до Нижняго, а отъ другаго, что онъ заплатилъ противъ меня вдвое и ѣхалъ не до Вязниковъ, какъ я, а только до Владиміра. Все, словомъ, случилось: такъ, какъ бываетъ это и до сихъ-поръ, по положенію: раньше, пришелъ—оплатишь всю дорогу; позже пришелъ, да узнаешь, что, сѣдоки есть, заплатишь ничтожную сумму, которую иной разъ стыдно выговорить; самымъ послѣднимъ пришелъ—при отѣздѣ, когда уже не только окуплена вся дорога, но и взятъ крупный залишекъ—уѣдешь чуть не даромъ. Во всемъ умѣнье и споровка и такова уже логика, исконный порядокъ и обычай всѣхъ ямщиковъ у рогожской.

Показали мы билеты свои на заставѣ, заплатили шоссейную пошлину и поѣхали. Ямщикъ у насъ безсмѣнный, беззастѣнчивый, разговорчивый; cadaго спросилъ, куда ѣдетъ, кто таковъ, и зачѣмъ. Дошелъ и до меня чередъ:

— Отгадай! предложилъ я ему.

— Да какъ тутъ тебя судить? дѣло темное. Пальто, вишь, на тебѣ изъ парусины, надо быть, шито; шапка нервная. Кто тебя знаетъ, что ты такое?

— Такъ на то, поди-тебѣ, и голова въ плечи ввинчена, чтобъ зпать да думать, и на то ты извозчикомъ зовешься, чтобъ съразу отгадывать и въ одинъ духъ догадываться о сѣдокахъ; а затылкомъ-то я и самъ, братъ, крѣпокъ.

— По рѣчи-то по твоей равно бы ты изъ кутейниковъ. Они больно на языкъ-отъ зубасты бываютъ.

— Зачѣмъ же ты изругался-то?

— Кутейникомъ назвалъ? Извини! Такъ я тебя и духовенствомъ могу взвеличать—изволь, сдѣлай милость!

Такъ и вышло: всю дорогу до Вязниковъ я слылъ подъ именемъ духовнаго. Замѣшкался ли я на станціи—«духовнаго нѣтъ» замѣчалъ ямщикъ. «Какого духовнаго?» спрашивали товарищи. «А что въ бѣломъ-то».

— Не бросай, господинъ духовный, окурокъ-отъ, дай мнѣ. Какъ ты вотъ уже въ полахъ трубку-то будешь курить—за волосы трепать стануть.

— А что, господинъ кутейникъ ... то-бишь духовный господинъ, подыскалъ ли ты себѣ поповну то? Безъ того, вѣдь, имѣста не получишь.

— Учатъ ли васъ наукѣ-то этой, чтобы по звѣздамъ читать и сказывать, чтѣ какая звѣзда значить, духовный чловѣкъ?

И все въ такомъ родѣ и въ подобныхъ выраженіяхъ, обращенныхъ въ большей части случаевъ въ формѣ вопросовъ, по которымъ можно было видѣть не пытливаго изслѣдователя, а простаго, празднаго разспрощика, который оттого и задаетъ вопросы, что ему больше дѣлать нечего. Онъ меня успѣлъ уже спросить (и не одинъ разъ): на чемъ свинья хвостъ носить? какъ выходитъ по наукѣ: къ слезамъ или къ радости лѣвый глазъ чешется; шуриновъ племянникъ какъ зятю родня? мужъ съ женой, братъ съ сестрой, шуринъ съ зятемъ: сколько народу стало? словомъ, это былъ ямщикъ, распущенный, избалованный купеческой повадкой и баловствомъ, ямщикъ, который хорошъ былъ бы въ лакейской компаніи, едва-ли пригоденъ къ другому дѣлу, помимо легкаго дѣла — извоза, и, навѣрное, не устоялъ бы въ такой работѣ, которая требуетъ и вниманія, и догадливости, и смѣтки, а потому-то онъ, навѣрное, и состоитъ въ ямщикахъ.

Спутники мои на этотъ разъ оказались тоже несостоятельными и пригодились только на то, чтобы идти въ долю на чай, на порцію селянки, на пару пива. Одинъ оставилъ насъ во Вла-

димирѣ, его мѣсто занялъ другой, еще хуже, а въ Вязникахъ оставили меня и тѣ и другіе: и старые мои спутники, и новые.

Въ Вязникахъ я остался одинокъ, безъ совѣтника, безъ руководителя на постояломъ дворѣ, остался потому именно, что изъ Вязниковъ путь мнѣ лежалъ въ сторону за Клязьму, гдѣ, въ 40 верстахъ, лежало село Холуй, съ иконописцами до послѣдняго обитателя, съ окрестными деревнями и селами, заселенными исключительно одними офенями. Тамъ моя Мекка, моя Медина, мой Эльдorado!

Толстый, безобразно-толстый и (вслѣдствіе того) флегматическій дворникъ оставался пока единственнымъ моимъ совѣтникомъ руководителемъ, другомъ, если я имѣлъ только право на это послѣднее названіе тогда, и если не принимать въ расчетъ его грубые, краткіе отвѣты, которые обижали меня вначалѣ съ непривычки, отъ незнанія и неумѣнья освоиться съ настоящимъ своимъ положеніемъ. Такъ я рѣшилъ впослѣдствіи; но на первыхъ порахъ выговорилъ—таки дворнику этому свое неудовольствіе:

— Видимся мы съ тобой впервые, другой разъ, можетъ-быть, и не сойдемся; знаемъ мы другъ друга всего только безъ году недѣлю. Я тебя не обидѣлъ, и говорилъ—то съ тобой—только квасу попросилъ, а такой ты сердитый, неразговорчивый! Ляпнулъ мнѣ давеча одинъ короткой да крутой отвѣтъ, и то словно быкъ рогатый въ бочку рывкнулъ.

— Да вы изъ дворянъ, что ли?

— А хоть бы и такъ, положимъ, на первый разъ.

— Ну, такъ извините: такъ и знать станемъ. Что же вамъ отъ меня надо?

— Хочется знать, какъ въ Холуй проѣхать?

— А по дорогѣ надо ѣхать.

— Остроту твою чувствую, а не дивлюсь: толку-то она мнѣ мало сказываетъ.

— Надо лошадей нанять.

— Не коровъ же, полагаю.

— По званію вашему, надо тройку взять: у меня есть на дво-
рѣ угарная. Прикажете—сейчасъ подадимъ.

— А сколько возьмешь?

— Да десять рублей на серебро: вѣдь въ сторону.

— За сорокъ-то верстъ?

— За тридцать восемь съ половиной.

— Ну, Богъ съ тобой! у меня такихъ денегъ нѣтъ.

— Нѣтъ, такъ и разговору нѣтъ. Попутчика ждать придет-
ся вашей милости.

— А долго?

— Какъ Господь благословитъ: можетъ, недѣлю, можетъ и
больше, а, можетъ-быть, и сейчасъ навернется....

Все видимо располагается не въ мою пользу: мало обнадежи-
ваетъ успѣхомъ; къ тому же первый блинъ, да и тотъ комомъ. Все
начинаетъ глядѣть на меня какъ-то сумрачно, сухо, непривѣтли-
во; ничто не радуетъ, ничто не увлекаетъ. Корова подошла по-
чти ко мнѣ, вытянула шею и неистово, почти надъ самымъ ухомъ
моимъ, промычала разъ, другой, третій, десятый, безъ паузъ,
одинъ за другимъ. Зачѣмъ, къ-чему, ради какой причины? Бро-
силъ я въ нее палку—она отошла и опять заревѣла. Собака вы-
бѣжала изъ подворотни, залаяла на нее и погнала: побѣжала ко-
рова, поднявъ хвостъ и прямо на мостъ, въ-прискокку. А подъ
мостомъ, ужъ вѣрно знаю, полощутся утки и шепчутся; пошеп-
чутся въ октавныхъ тонахъ и опять пополощутся. Одна утка
кончила, вышла изъ воды и пошла (что-купчиха толстая, пере-
валиваясь съ боку на бокъ) въ гору; за ней потянулась другая,
третья, десятая. Вонъ вышли онѣ изъ-подъ моста и всѣ у меня
на виду, и всѣ вытягиваются въ линію, въ прямую линію, и тя-
нутся гусемъ; одна сбилась съ ноги и спѣшитъ поправиться, срав-
няться и не нарушать порядка—истые солдатики на батальон-
номъ ученьи. И опять идутъ новыя утки, переваливаясь съ бо-
ку на бокъ и побрякивая, шепчутся между собою—о чемъ? на ка-
комъ языкѣ? Вотъ сильно зашумѣла и понеслась за Клязьму ог-
ромная туча угорѣлыхъ воробьевъ: видно, напугалъ ихъ сторожъ

и согналъ съ любимыхъ мѣстъ, съ вишневыхъ кустовъ, которыми усыпана вся вязниковская гора направо... Вонъ пронесла тройка какого-то счастливца въ Москву; сидитъ онъ въ пыли весь; колокольчикъ выколачиваетъ свою дурацкую, лѣнивую пѣсню. Скучно и досадно! *Скучно* потому, что съумѣлъ себя выбросить въ незнакомое, непривычное мѣсто; *досадно* потому, что третьи сутки жду и не дождусь избавителя-попутчика.

Но вотъ и онъ наконецъ.

Сидѣли мы съ дворникомъ на крылечкѣ. Я объяснялъ ему, отчего у человѣка жиръ нарастаетъ, отчего у него икота дѣлается и какъ отъ подобныхъ непріятностей избавляются люди. Онъ жаловался мнѣ на тягость жизни: по лѣтамъ отъ жары и жиру, на необходимость потреблять огромное количество квасу ежедневно, почти ежечасно; говорилъ, что его и вода не принимаетъ, что онъ на ней, какъ на постели, можетъ ворочаться: и на спинѣ лежитъ, и на любой бокъ можетъ повернуться, а окунуться при купаньѣ — трудъ великій.

— Свиная жизнь, прибавлялъ онъ: — ходишь да хрюкаешь.

Словомъ, разговоры наши шли своимъ чередомъ и носили характеръ казенный, обыденный. Въ воротахъ, между-тѣмъ застучала телега и на дворъ вѣхала пара лошадей съ двумя сѣдоками. Одинъ изъ нихъ рылся въ телегѣ, другой ловко соскочилъ на землю и обратился къ дворнику съ тѣмъ же вопросомъ, съ какимъ и я, дня три назадъ.

— У насъ лошади есть, да дѣроги, отвѣчалъ ему дворникъ — Ступай поищи въ слободѣ: тамъ найдешь охотниковъ. Тебѣ куда ѣхать-то?

— Въ Ряполово.

— Такъ вотъ тебѣ до Хѣлуя попутчикъ.

Дѣло шло обо мнѣ. Сговариваться приводилось недолго: рѣшили платить пополамъ, и дѣло поступило въ архивъ, какъ оконченное. Товарищъ мой повертѣлся недолго около телеги, на дворъ и въ избѣ. Изумилъ меня своею юркостью, лихорадочною подвижностью, бойкими глазами, которые ни на одинъ мо-

ментъ не сосредоточивались на одномъ и томъ же предметѣ; непрерывное движеніе рукъ и подергиванье плечъ обличало въ немъ если не болѣзнь, то долгую привычку въ спѣшныхъ и торопливыхъ ра-ботахъ. На мои глаза это былъ купеческій прикащикъ, любимый у хозяина, довѣренный у него и главный.

— По-нашему, попросту, офеня это! объяснилъ мнѣ дворникъ, по уходѣ товарища.

— Вонъ и тотъ безпремѣнно офеня, продолжалъ онъ потомъ. Теперь они въ деревню, на побывку ѣдутъ — время такое: много съѣзжается; ужо, чрезъ недѣлю, поползутъ, что вороньѣ, успѣвай лошадей припасать.

Но у меня уже сердце на первыхъ словахъ переполнилось радостью; и чѣмъ дальше и больше говорилъ мнѣ дворникъ, тѣмъ сильнѣе возростало мое нетерпѣніе и душевный восторгъ. Предметъ исканій самъ дается мнѣ въ руки, и такъ легко и скоро, безъ всякаго труда! Надо теперь подойти къ нему осторожѣе и выпытать правду, но такъ, чтобъ онъ не замкнулся въ свой толстой раковинѣ, а распустился бы, какъ цвѣтокъ на весеннемъ солнышкѣ, всецѣло до послѣдняго, самаго мелкаго лепестка. Если офеня — думалось мнѣ въ тоже время — умѣетъ надувать всю Россію; надувалъ когда-то въ Венгріи, въ Австріи, надуваетъ теперь своего брата, и хозяина, то самъ, въ свою очередь, навѣрное, не легко поддается обману. Да еще и съумѣю ли придумать, съумѣю ли приложить къ дѣлу, съумѣю ли управить за всѣми изворотами и направить къ искомому результату: не попасть бы мнѣ на мель, и не сѣсть бы тутъ надолго; не наскочить бы на скалу и не разбиться бы въ дребезги. Но, попытка — не шутка, спросъ — не бѣда, попробуемъ!

Сѣлъ я съ офеней и поѣхалъ. Ъхали мы не долго, за Клязьмой тотчасъ же слѣзли съ телеги и пошли пѣшкомъ. Жара была невыносимая, на телегѣ жаръ пропекалъ насъ до мозга костей и напоминалъ намъ о себѣ, за неимѣніемъ дѣла, ежеминутно. Пошли мы пѣшкомъ, задали себѣ работу — о жарѣ почти и за-

были; закурили трубки, повели разговоръ съ обыкновенныхъ вопросовъ: кто мы, зачѣмъ и откуда.

Я—семинаристъ, отыскиваю мѣсто учителя.

Онъ—торгующій. Живетъ у хозяина, въ Оренбургской Губерніи; три года не былъ на родинѣ: идетъ отдохнуть и повидаться съ родными.

— Стало-быть, вы, офеня?

Сердитый взглядъ и короткій отвѣтъ:

— Мазыки.

— Съ коробкомъ ходите?

Опять, медвѣжье взглядѣе на меня и снова короткій отвѣтъ:

— Съ коробками мелкота ходитъ; здѣшвые.

— А вы-то какъ же?

— Мы въ лавкѣ сидимъ, а на ярмарки съ возами ѣздимъ.

— Извините: нечаянно, не думавши обидѣлъ васъ.

Офеня мой промолчалъ: видимо, простилъ меня. И опять молчитъ, сосредоточенно покуривая трубочку и сплевывая. Хочется мнѣ опять приступить къ нему, натравить его на разговоръ; но съ какого конца? Боюсь опять не разсердить бы его, не ухватить бы за живое мѣсто. Попробую.

— И долго вы пробудете дома?

— Сколько прогостится, сколько сможетъ.

— Да, вѣдь, хозяинъ, вѣроятно, на срокъ отпустилъ.

— Хозяинъ намъ въ этомъ дѣлѣ не указъ; мы на него больше зависимость кладемъ, чѣмъ онъ на насъ.

— Ну да врешь же, парень!—перебилъ его нашъ ямщикъ, давно уже прислушивавшійся къ нашему разговору.— Прогостишь—то ты, чай, до макарьевской ярмарки, а тамъ, тебѣ велѣно въ Нижній ѣхать, товары принять, да и везти ихъ на мѣсто, къ хозяину.

«Спасибо ямщикъ! спасибо за то, что поддержалъ ты меня, вывелъ большое дѣло наружу. А кому и знать офенскіе обычаи, какъ не тебѣ: не первый же годъ ты, поди, съ ихнимъ братомъ водишься, да и сосѣдъ такой ближній, можетъ-быть, и самъ въ быдыя поры офенствовалъ,